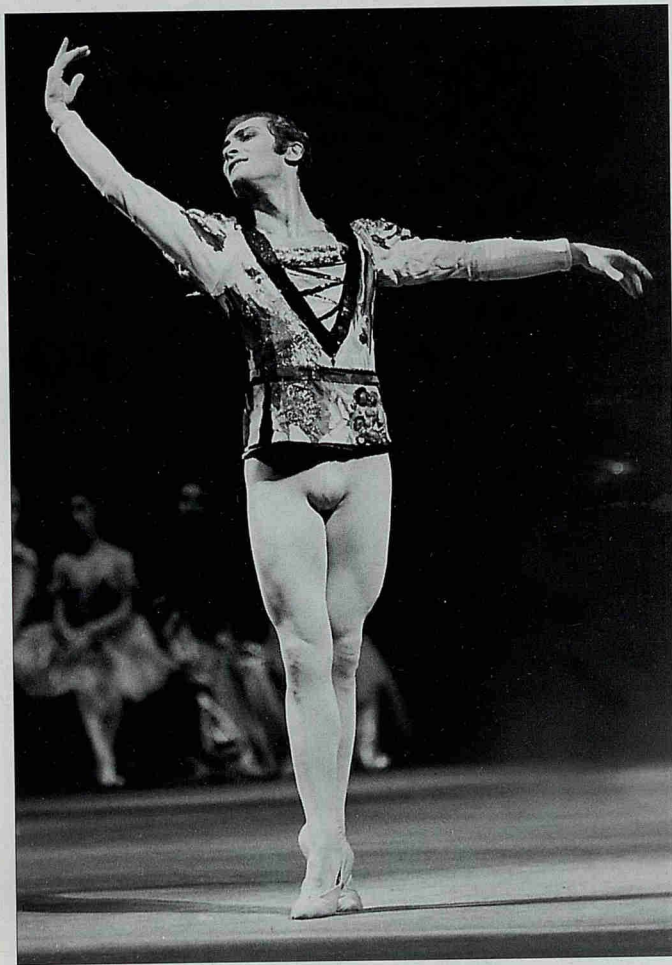


Озеро нашей мечты

Михаил ЛАВРОВСКИЙ:



В 1500-й раз со дня первой постановки прошел на сцене Большого театра балет Петра Ильича Чайковского «Лебединое озеро». 18 января 1995 года в юбилейном спектакле главные партии исполняли Нина АНАНИАШВИЛИ, Алексей ФАДЕЕЧЕВ, Сергей БОБРОВ.

Не могу сказать, что хорошо знаю истоки «Лебединого озера» — по Петру Ильичу Чайковскому или по Петипа. Но в истории Большого театра, а также и на моей собственной памяти было два принципиальных варианта «Лебединого»: так называемые «старый» и «новый» — шедший до Григоровича и авторский вариант Юрия Николаевича.

В первом из них мне нравился характерный танец в сцене бала, он очень хорошо сочетался как с музыкой Чайковского, так и с незамысловатым сюжетом того спектакля, когда и любовь, и предательство были сопоставлены «в лоб», без оговорок и отнюдь не двусмысленно.

И вот я встретился с Григоровичем, его постановкой. И был совершенно иной взгляд. И потому в те времена первая редакция «Лебединого» Григоровича не прошла. Не разрешили, закрыли!

Если Юрий Николаевич за что-то берется, что-либо делает, значит, знает почему и зачем. Он занимался «Лебединым озером», как и всем, досконально: изучил и его музыкальную партитуру, и его историю, выясняя, кто и к чему стремился при создании этого балета — и Петипа, и Лев Иванов, и Горский в Москве, и сам Петр Ильич Чайковский. Поэтому Григорович, я думаю, и сделал трагический конец. Говорят, так хотел композитор. Меня такой финал убеждал.

В новой постановке особенно интересным казалось решение образов Принца и его двойника — Злого гения, их глубокий по мысли дуэт, диалог. Блистательна была работа Сулико Багратовича Вирсаладзе. Замечательна их совместная, обоюдная с Юрием Николаевичем, идея о том, что все это — озеро нашей общей мечты — мечты, которую молодой, духовно еще только созревающий юноша сначала находит, а затем предает. Идея о том, что когда человек предает свою мечту, становится уже невозможно «склеить чашку», можно лишь идти к счастью окольными путями, но уже не достичь его никогда. И в конце Лебедь погибал. Этот финал тогда безжалостно «забраковали».

Я никогда не думал, что на балетной сцене можно поставить «Иван Грозный» или, допустим, «Спартак»... Тем более поставить так убедительно, как это сделал Юрий Николаевич, подняв таким образом хореографическое искусство на совершенно небывалую ступень. Очевидно, то же самое было и с «Лебединым». Только это было сложнее. Но это было! Причем Григорович сделал это в духе музыки Чайковского. И из того числа «Лебединых», что я сам видел, эта редакция мне кажется лучшей.

А пересмотрел я массу различных постановок балета. Их хвалили, ругая Григоровича. Для меня же именно они оказывались «вампуккой» с огромным количеством персонажей, подчас не имеющих никакого отношения к действию.

В 1968 году мы были не просто балетными персонажами, а, как написал балетный критик Александр Демидов, «из глубины веков высвечивающимися к нам подлинными историческими героями». То был взлет образа, несущегося через века (речь шла о «Спартаке»).

Таким же откровением был для нас первоначальный вариант редакции «Лебединого озера» Юрия Григоровича...